

АЛЬФРЕД ГРИБЕР

ИСТОКИ И КОРНИ

Повесть

1. КАНТОНИСТ ПОСЛЕДНЕГО ПРИЗЫВА

В семье моего прадеда Шимона Грибера и его жены Эстер жил отец Шимона - Борух, которому было лет так за шестьдесят. Однако выглядел он, как настоящий старик. Его голова, белая как лунь, была украшена также большой седой бородой.

- Дедушка, сколько тебе лет? - спрашивали его внуки.

Дедушка ещё только собирался открыть рот, чтобы ответить, как тут же в разговор вмешивалась мама и заявляла решительно:

- Зачем вам считать его годы? Он на ваши годы не живёт.

Судьба Боруха была драматична. Дело в том, что ещё маленьким мальчиком он стал «еврейским кантонистом».

Вы не знаете, кто такой еврейский кантонист?

Страшный смысл этого понятия даже среди евреев мало кому в СССР был известен. А история такова.

Евреи в Российской империи жили в «черте оседлости». Их вера и обычаи не были похожи на веру и обычаи других народов, населявших страну. Кроме того, у евреев было своё самоуправление. Вдобавок ко

всему евреи были освобождены от рекрутской повинности. Вместо службы в армии, они платили налог.

Всё это не понравилось новому императору Николаю I, который вступил на престол в 1825 году. Он хотел всех своих подданных подогнать под общий ранжир, чтобы у них были только те мысли и взгляды, которые угодны ему и его правительству.

И тут в «светлую» голову царя-батюшки пришла странная мысль:

- А не перекрестить ли нам евреев в православных! Хорошо бы, но как?

И, недолго думая, 26 августа 1827 года Николай I подписал указ об обращении евреев к отправлению рекрутской повинности.

Замысел русского православного царя состоял в том, чтобы во время воинской службы еврейские мальчики и юноши, оторванные от родной среды, утрачивали свои национальные черты, отказывались от еврейского образа жизни и переходили в христианство.

Царь определил призывной возраст для евреев не с 18 лет, как для всех, а с 12 лет. Это было сделано специально, чтобы лишить мальчиков возможности пройти в 13 лет бар-мицву.

И, к тому же, малолетних детей было легче сломить. Никто, кроме еврейских детей, не призывался в таком раннем возрасте. Но, что характерно, срок их службы исчислялся только, начиная с 18 лет.

Вопрос «Кто именно пойдёт служить в армию?» царское правительство совсем не интересовало. Оно спускало в органы еврейского самоуправления - кагалы только нормы поставки нужного количества рекрутов.

И кто же в первую очередь становился рекрутом? Конечно же, сироты, дети вдов и бедняков и даже мальчики семи-восьми лет, которых выдавали за двенадцатилетних.

Из года в год ужесточались условия призыва евреев в армию. Дело доходило до облав, во время которых не только задерживали уклонявшихся от призыва, но и вообще хватали всех подряд.

Каждую осень во время отправки рекрутов на службу стон стоял на улицах еврейских местечек. Особенно страдали маленькие дети, оторванные от родительского дома.

Мой прапрадед Борух родился в 1843 году в городе Дубно. В 1855 году ему исполнилось 12 лет.

В один из осенних дней, когда отец был на работе, мать возилась внутри дома по хозяйству, а дети игрались около дома, во двор вдруг вошли офицер, солдат и ещё три человека. Они сразу подошли к Боруху. Офицер спросил его:

- Как тебя зовут?

- Борух, - ответил мальчик.

- Вот ты как раз нам и нужен. Пойдёшь с нами.

Тут же стоящие рядом с Борухом три человека взяли его за руки так сильно, что он даже не попытался вырваться.

Кто-то из детей уже успел позвать маму, которая, выбежав из дома, сразу закричала:

- Что вам нужно от моего ребёнка?

- Не кричи, женщина. Мы забираем твоего сына в армию согласно указу царя, - ответил ей офицер.

И не добавив больше ни слова, он махнул рукой своим попутчикам, которые вывели Боруха со двора и повели куда-то. Рядом шагали офицер и солдат.

Оглянувшись, Борух увидел, что мама с детьми выскочили со двора и пошли вслед за ними, оглашая улицу своими криками и плачами.

Боруха привели в какой-то дом и завели в большую комнату, где уже находились несколько таких же ребят, как и он. С некоторыми из них Борух был знаком, они жили на соседних улицах.

Дверь комнаты заперли и оставили мальчиков одних. Разговаривать почему-то не хотелось, и они сидели молча. Только с улицы доносились голоса их родных, которые пришли сюда, чтобы получить хоть какую-нибудь информацию о дальнейшей судьбе своих детей.

Спустя какое-то время дверь открылась, и в комнату вошли офицер и несколько солдат с большими мешками. Офицер начал подзывать мальчиков по одному к себе и записывать имя и фамилию каждого из них. Когда все дети оказались в списке офицера,

солдаты выдали им обмундирование: бельё, гимнастёрку, овчинный тулуп, сапоги и другое снаряжение, а также холщовую котомку для личных вещей.

После того, как мальчики переоделись, им приказали положить в котомку свою старую одежду, чтобы потом передать её их родным.

Полностью преобразённых, в чужой одежде, детей вывели из дома во двор, где солдаты стояли цепью, отгораживая новоиспечённых рекрутов-кантонистов от плачущих матерей, отцов, братьев и сестёр.

Мальчикам приказали вынуть из котомок свою «гражданскую» одежду и передать её тому родственнику, которому разрешали подойти к ним.

А потом мальчиков-кантонистов построили по шесть человек в шеренге и под охраной солдат-конвоиров отвели в расположение гарнизонного батальона. В казарме стояли рядами кровати, на которых детям и велели располагаться.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Спал Борух плохо, всё время просыпался и звал маму. Его товарищи по несчастью вели себя подобным же образом.

А утром мальчиков снова построили по шеренгам, каждую шеренгу погрузили на свою телегу, в которой уже сидели по два солдата - один ездовой и один конвоир - и под командованием офицера увезли из родного города под аккомпанемент непрекращающихся рыданий их родных и близких.

Мама Боруха несколько километров шла и бежала рядом с телегой, на которой он сидел, плакала и говорила ему:

- Сыночек мой, береги себя!

- Родненький мой, помни нас, твою семью! Знай, что мы помним тебя каждую минуту.

- Кровиночка моя, я буду ждать тебя, пока мои глаза не закроются навсегда.

- Не забывай своё имя, сыночек!

- Молись Богу каждый день, мой любимый, и храни нашу веру!

Борух вглядывался в любимые черты своей мамы, слушал её и плакал вместе с ней.

А потом офицер приказал солдатам прогнать всех матерей, которые шли за телегами всё это время. Дети долго плакали, глядя на удалявшиеся фигурки их любимых и таких дорогих мам. Теперь они остались совсем одни, без родных, близких и друзей.

Когда телеги проезжали через какое-нибудь еврейское местечко, его жители приносили детям еду и питьё. А солдаты-конвойные вдруг без всякой причины начинали бить мальчиков. Чтобы избавить их от побоев, местные евреи давали деньги и продукты офицеру и солдатам.

На ночёвку все размещались в каких-то деревнях, в нетопленных домах с земляными полами. По ночам дети замерзали страшно, их руки и ноги просто

коченели от холода. А если кто-нибудь начинал плакать, солдаты били его.

Утром все снова погружались на телеги и отправлялись в свой бесконечный путь. И так это продолжалось изо дня в день, и не было этому ни конца, ни края.

Но вот закончились еврейские местечки, и потянулись чередой русские деревни. Здесь еврейских мальчиков никто уже не подкармливал. Они сразу почувствовали на себе недоброжелательность местного населения. Деревенские мальчишки откровенно издевались над ними, кривлялись, дразнили их, делали им рожи и бросали вслед камни, оскорбляли и высмеивали их, как только могли.

Офицер и солдаты абсолютно не мешали этим проявлениям «христианской любви и сострадания к ближним». Напротив, они посмеивались, поощряя этим самым наших обидчиков к новым «подвигам».

Мало того, и офицер, и солдаты-конвоиры запрещали мальчикам молиться, издевались над их верой, уничтожали их молитвенники и требовали от них, чтобы они крестились. Но дети им не поддавались и даже опекали младших ребят, которым, несомненно, было ещё тяжелее, чем таким сравнительно большим детям, как Борух.

Всё это время мальчики находились в ужасных антисанитарных условиях. Они передвигались в любую погоду, несмотря ни на дождь, ни на холодный пронизывающий ветер.

Дни тянулись за днями, недели за неделями, один месяц сменялся другим, а дети всё шли, шли, шли....

Незаметно наступила зима, начались морозы, снегопады, бураны. Чтобы хоть как-нибудь согреться, мальчики бегали по просёлочной дороге, стараясь быстрее преодолеть положенные километры до следующего населённого пункта, где их ждал долгожданный привал с тёплой печкой и хоть какой-нибудь горячей едой.

Как манну небесную, дети ждали воскресенья, потому что в этот день они никуда не шли и отдыхали в какой-то избе. Им разрешали помыться в больших деревянных бадьях, куда их помещали по трое или по четверо и поливали из вёдер тёплой водой. Как они были счастливы в эти минуты!

Недели, сменяя друг друга, вели счёт месяцам. Долгая жестокая зима очень нехотя сдавала свои позиции. Но всё-таки стало заметно, что и солнышко уже немножко пригревает, и морозы начали слабеть, и снег кое-где уже показывал замёрзшую землю. Казалось, что вон за тем горизонтом детей встретит весна, раскроет им свои объятия и согреет их своим теплом.

Почти все из мальчиков болели и страдали от лихорадки, простуды, вшей, коросты, чесотки и крайне плохой пищи. Ни фельдшера, ни тем более врача никто не видел на всём протяжении их многострадального «путешествия». Всё решалось естественным путём: кому было суждено, тот выздоравливал, а кому была уготована другая судьба, тот... Многие дети из обоза умерли в пути, так и не добравшись до места назначения.

В течение всего времени, казалось, бесконечного пути личный и количественный состав сопровождавших детей офицера и солдат менялся несколько раз. Как

видно, они тоже уставали от своей нелёгкой работы. Вот начальство и давало им отдых.

Только мальчишки 8-12 лет были, что называется, сильными и двужильными. Им отдых не полагался, им следовало только шагать и шагать вперёд к неизвестному будущему.

Только в середине лета 1856 года Борух и его соплеменники добрались до гарнизона, где им предстояло служить, по крайней мере, шесть лет. В каком городе располагался гарнизон, Борух не помнил, так как ни разу не покидал расположение батальона кантонистов, куда был сразу зачислен.

Когда Борух наконец-то помылся в настоящей бане, получил новое обмундирование и лёг спать в постель с белыми простынёю и наволочкой, счастьем его, казалось, не было предела.

Но счастье длилось недолго. Началась подготовка к воинской службе. И начиналась она с религиозного перевоспитания, которым занимались все от ефрейтора до командира батальона.

Ежедневно и словами, и побоями Боруха принуждали принять крещение, то есть отречься от своей иудейской веры. Когда православным священникам не удавалось склонить его к крещению, за дело брались «дядьки» и унтер-офицеры.

Тех, кто упорствовал в своём нежелании переходить в православие, безжалостно истязали: секли розгами без конца, прогоняли сквозь строй, оставляли неодетыми на морозе, ставили коленями на горох и битый кирпич, окунали головой в воду до обмороков и глухоты, лишали ужина. заставляли всю ночь стоять

на коленях у своей койки, днём кормили солёной рыбой и не давали затем пить, заставляли есть свинину или щи на свином сале, а в случае отказа били и вообще лишали пищи. И всё время муштра, муштра и муштра на плацу до одурения.

Казалось, что ещё немного и сойдёшь с ума. Но Борух всегда помнил слова своей матери, вспоминал родной дом, и это придавало ему силы переносить все муки и лишения и не принимать христианства.

Не все выдерживали издевательства офицеров и унтер-офицеров: одни умирали, другие сходили с ума, третьи кончали жизнь самоубийством.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Боруха, если бы такая жизнь продолжалась долго.

Но тут, как будто луч солнца пробился среди тяжёлых свинцовых туч. Царь Александр II своим коронационным манифестом от 26 августа 1856 года отменил все школы и батальоны еврейских кантонистов. Все кантонисты до 20 лет, которые не успели покреститься и перейти в христианство, могли вернуться к своим семьям.

Борух как раз подходил под эту категорию. И его вернули родителям в Дубно.

Так и завершилась служба еврейского кантониста Боруха Грибера.

2. СЕМЬЯ ФИНВАРЬ ИЗ ХЕРСОНА

В середине второй половины XIX столетия жила в Херсоне большая семья Финварб. Одного из многих сыновей этой семьи звали Изя (Ицхок).

Парень он был трудолюбивый, вечно что-то мастерил из дерева, мог сделать табуретку, стул, стол. В общем, у парня были золотые руки. Поэтому никто не удивился, когда Изя заявил, что хочет стать краснодерёвщиком. И спустя какое-то время эта профессия была, что называется, у него в руках. Он открыл свою мастерскую и стал изготавливать по заказу красивую мебель из дорогих пород дерева.

Как-то встретил Изя на улице красивую девушку. И так она ему понравилась, что он всё время думал только о ней. Счастливый случай снова свёл их вместе, и они, наконец, познакомились. Звали девушку Бейла. Оказывается, и ей приглянулся Изя. Недолго думая, сыграли свадьбу. Так в 1890 году образовалась новая семья - Изя и Бейла Финварб.

Через год у молодой пары родилась первая дочка - Рухл, а затем с периодичностью в два-три года стали появляться на свет и другие дети - Тойба, Кейла (моя будущая бабушка), Гитл, Шая, Сара, Шура, Рейзеле и так далее и тому подобное. Тринадцатым ребёнком в семье был Миша, который родился в 1917 году.

Вполне вероятно, что Изя и Бейла на этом бы не остановились, но шальная пуля в собственном огороде сразила Изю во время гражданской войны.

А пока что жизнь протекала тихо, спокойно, размеренно, без всяких встрясок. Изя целыми днями работал в своей мастерской, а Бейла занималась детьми и вела домашнее хозяйство.

Хлеб Бейла пекла сама, но иногда она шла в пекарню и покупала там за 20 копеек пятифунтовый белый хлеб «Гейша». Для детей она покупала несколько толстых бубликов «Бабский». Благо, такой бублик стоил всего одну копейку.

Бейла была рачительной хозяйкой, поэтому мясо она покупала в русской лавке по 10 копеек за фунт или 25 копеек за килограмм. Мясо это было прекрасное, да и продавец продавал мясо чистое, без костей. В еврейских лавках мясо стоило дороже, 13 копеек за фунт, потому что это мясо забивали на еврейской бойне согласно еврейскому религиозному ритуалу.

В хозяйстве у Бейлы было несколько кур и петухов, поэтому время от времени появлялись и маленькие цыплята, с которыми любили играть младшие дети Бейлы и Изи. И вполне естественно, что куриными яйцами семья была обеспечена. Правда, и на базаре, и в лавках куриные яйца стоили недорого, всего 6-8 копеек за десяток.

Корову в городе содержать было нелегко, поэтому молоко приносили в дом крестьяне из ближайших сёл и деревень и продавали по 4 копейки литр. Бейла всегда покупала много молока, потому что дети очень его любили. Да и кулинарка она была отменная. Какие только молочные блюда Бейла ни придумывала! Чтобы все их перечислить, нужно потратить уйму времени.

А летом на базаре можно было увидеть огромные, высоченные горы арбузов и дынь. Бейла отправлялась на базар вместе с детьми. Они брали с собой маленькую тележку и нагружали её доверху зелёно-полосатыми пузатыми арбузами. Любой арбуз, независимо от веса, можно было купить за 5 копеек. Когда Бейла собиралась засаливать арбузы на зиму,

чтобы иметь вкусное блюдо всю зиму, Изя одалживал подводу у соседей, забивал её до отказа арбузами и привозил это всё богатство домой. При этом следует иметь в виду, что при такой оптовой покупке арбузы обходились по одной копейке за штуку.

Во дворе дома Изи и Бейлы росли несколько фруктовых деревьев - яблони и груши. Ребятишки не всегда давали плодам, находившимся в поле их досягаемости, дойти до кондиции и обрывали их даже раньше срока. Плоды, росшие повыше, успевали дозреть, и их уже собирали позже. А на базаре хорошие яблоки стоили всего 5 копеек за фунт.

Уголь, грушевский антрацит, Изя покупал на зиму целыми подводами на топливном складе Розенблита, который находился здесь же, на базаре, по 13 копеек за пуд.

Керосин для каждодневных расходов Бейла покупала по 4 копейки за литр, а за 10 коробок спичек она платила 7 копеек.

И себе, и девочкам Бейла шила платья сама. Ситец был в то время не очень дорогой - всего 11-12 копеек за аршин полотна.

В общем, жизнь в семье Финварб была тихая и спокойная. Неделя проходила в трудах и заботах. В пятницу Изя работал только до обеда. Когда он возвращался домой, вся семья садилась обедать.

Затем после небольшого отдыха все отправлялись в баню. Изя с мальчиками мылся в мужском отделении, а Бейла с девочками - в женском. Цена за вход в общую баню составляла 5 копеек за человека. В мужском отделении было ещё одно небольшое

отделение с полками, где Изя любил попариться с веничком после трудовой недели.

По вечерам в пятницу и в субботу семья Финварб прогуливалась по набережной или шла на Потёмкинский бульвар, который находился в центре города. Он поддерживался в хорошем состоянии, за ним постоянно ухаживали специальные садовники и сторожа. Там всегда было много публики, а на специальной эстраде играл оркестр, под звуки которого можно было даже потанцевать.

Иногда ходили в городской театр на спектакли или концерты. Билеты на галёрке стоили 20-30 копеек. Здесь всегда было полно молодёжи. Не очень часто Изя и Бейла могли себе позволить купить места на третьем ярусе, где цены за билеты не так сильно кусались.

По субботам и в праздничные дни после завтрака Изя, Бейла и дети шли в синагогу. Они не были уж такими верующими, но соблюдали традиции своего народа. И вообще не ходить в синагогу было неприлично. По субботам в синагогах города было много молящихся, а в праздники все синагоги были забиты до отказа. При этом следует учитывать, что в Херсоне в то время было более 20 синагог.

После возвращения из синагоги вся семья садилась обедать. После обеда можно было пару часов поспать. Потом пили чай и шли в гости или гулять.

Такая жизнь продолжалась почти до Октябрьской революции.

Хотя не надо забывать и о том, что царские власти пропагандировали и насаждали антисемитизм, а также устраивали еврейские погромы.

Октябрьская революция в корне изменила жизнь жителей Херсона. Изменилась и жизнь семьи Изи Финварб. Из тринадцати детей в живых осталось только девять. Остальные умерли или при рождении, или в раннем возрасте.

После смерти Изи семья фактически распалась. Только младшие дети остались с Бейлой. Старшие ушли из дома в самостоятельную жизнь.

3. КЕЙЛА (КАТЯ) ФИНВАРБ

Кейла (моя будущая бабушка) родилась 19 апреля 1895 года в городе Херсоне в семье Изи (Ицхока) и Бейлы Финварб.

После трагической и нелепой смерти отца Кейла в 1919 году уезжает в Киев. Здесь она попадает под обаяние Советской власти, которая объявила вне закона антисемитизм и еврейские погромы.

Кейла, которую теперь все называют Катей или Екатериной, вступает в отряд киевских комсомольцев (100 человек), состоящий преимущественно из евреев. Этот отряд вместе с Шулявским рабочим отрядом, Интернациональным батальоном и Киевским караульным полком в конце июня 1919 года выступил против националистической банды атамана Зелёного. Отряд переформировали в роту, часть бойцов вошла в пулемётный расчёт. Комиссаром роты стал вожак киевской молодёжи Михаил Ратманский.

Село Триполье, которое атаман Зелёный избрал своей «столицей», находилось в 50 километрах от Киева. Расположенное на крутом берегу Днепра и окружённое холмами и оврагами, оно представляло собой удобную для бандитов позицию. Отсюда они совершали свои разбойничьи набеги на соседние сёла, а нередко угрожали и Киеву.

Отряд продвигался к селу Триполье с боями. В это же время по Днепру к селу подошли корабли красной флотилии, которые открыли огонь по позициям бандитов. Атаман Зелёный быстро вывел из села свои основные силы, а оставшиеся бандиты оказали не очень серьёзное сопротивление. «Столица» банды Зелёного была захвачена.

Красноармейский отряд расположился на отдых. Два дня отдыхали бойцы, проводили митинги, собрания коммунистов и комсомольцев.

Но командование караульным полком не приняло необходимых мер для охраны села. Притаившиеся в селе кулаки поддерживали тайную связь с бандой, сообщая о силе и расположении отрядов. А командование бездействовало.

Лишь позже стало известно, что командир Киевского караульного полка Солянов, бывший офицер царской армии, изменил Советской власти и через кулаков вошёл в контакт с атаманом Зелёным. По этой причине и не было принято необходимых мер для охраны села.

Михаила Ратманского и его товарищей насторожила «беспечность» командования, и часть бойцов комсомольского отряда по собственной инициативе заняли оборону около мельницы на краю села.

Воспользовавшись изменой Солянова, банда, численностью более 2000 человек, под командованием атамана Зелёного тёмной ночью напала на отдыхавшие отряды.

Первыми в бой вступили бойцы во главе с Ратманским, которые находились у мельницы. Они отчаянно сражались с превосходящими в несколько раз силами противника и погибали один за другим. Некоторые комсомольцы смогли укрыться на мельнице. Но бандиты подожгли мельницу, и все герои сгорели заживо.

Пока шёл бой у мельницы, остальные бандиты окружили село. Более пяти часов, неся большие потери, мужественно сражались с бандитами красноармейцы и комсомольцы.

Несмотря на их героическое сопротивление, бандитам удалось окружить остатки отрядов в селе и плотно прижать их к Днепру. У бойцов не хватало боеприпасов, и они неоднократно переходили в штыковые атаки. Часть бойцов бросается в Днепр. Бандиты расстреливают их прямо в воде.

Из всего комсомольского отряда лишь шестерым героям удалось спастись, переплыв Днепр. Одной из них была Катя (Кейла) Финварб.

Захваченных в плен красноармейцев и комсомольцев бандиты разделили на несколько групп. Расправой руководил сам атаман Зелёный.

Коммунистов и комсомольцев первой группы перед расстрелом заставили рыть себе могилу. Но как только лопаты оказались в руках коммунаров, они смело бросились на бандитов. Последняя схватка

мужественных бойцов закончилась тем, что их в упор расстреляли враги. Это был последний смертный бой красных коммунаров!

Другую группу бойцов бандиты связали колючей проволокой и сбросили с крутого берега в Днепр.

Небольшую группу комсомольцев бандиты привели в деревню Халепье, в штаб атамана Зелёного. Поиздевавшись вдоволь над связанными пленниками, бандиты сбросили их живыми в глубокий колодец.

Так погибли герои, из которых самому старшему было 25 лет, а самому младшему - всего 16.

Вскоре после своего чудесного спасения Катя (Кейла) Финварб встретила на своём жизненном пути молодого красноармейца Герша Грибера и в 1919 году вышла за него замуж.

И началась их совместная долгая жизнь.

4. ГЕРШ ГРИБЕР

В конце 19 столетия в уездном городе Дубно Волынской губернии образовалась новая семья - Шимон и Эстер Грибер. Жили они дружно, и так же дружно у них начали появляться на свет дети - Волф, Герш, Лазарь, Шейндл, Маля, Нисл, Израиль и так далее ещё шестеро. Таким образом в семье было в общей сложности 13 детей. Жили, как все евреи в этом городке: работали, воспитывали детей, вели домашнее хозяйство.

Герш Грибер (мой будущий дедушка) родился 25 августа 1899 года и был вторым по старшинству

ребёнком в семье. В принципе, детство Герша прошло более-менее спокойно. Но в 1914 году началась 1-я мировая война. Город Дубно часто переходил из рук в руки. В 1915 году город Дубно был захвачен австрийской армией. И здесь с Гершем приключилась история, которая могла кончиться трагически.

Как-то, прогуливаясь по улице, Герш захотел «по-маленькому», то есть захотел справить малую нужду. Естественно, что такое заведение как общественный туалет найти тогда в Дубно было не просто. Да Герш его и не очень-то искал. Как и любой мальчишка, он подошёл к какому-то забору и начал исполнять своё желание.

А по роковой случайности с другой стороны забора как раз в это время сидели и лежали австрийские солдаты, отдыхая после своих ратных подвигов. Когда Герш их обмочил, они схватили его, закрутили ему ноги верёвкой и повесили на ветке дерева вниз головой.

Когда Эстер, мать Герша, узнала, что её сына повесили австрийцы, она, сломя голову, прибежала к дереву, на котором висел её ребёнок, и стала просить солдат отпустить мальчика. Но те в ответ смеялись, качали головами и были непреклонны. Тогда Эстер сняла с пальца обручальное кольцо и отдала его солдатам. Только после этого они отпустили Герша.

Эта экзекуция повлекла за собой серьёзные последствия. На какое-то время Герш потерял зрение. Восстанавливалось оно очень медленно. Кроме того, мальчика очень долго преследовали сильные головные боли. Но, слава Богу, Герш остался живым.

В декабре 1917 года разложившиеся части русской армии устроили в городе кровавый еврейский погром. Было убито и ранено очень много евреев, были разгромлены их дома, магазины и мастерские. Шимон, Эстер и дети были вынуждены бежать из своего города. Они решили добираться в столицу Волынской губернии – город Житомир. Спасаясь от погромов, члены семьи Грибер надеялись на то, что, находясь в центре губернии, им будет легче избежать такой напасти, как погромы, преследующие их народ.

25 мая 1919 года в Житомире была объявлена массовая запись добровольцев в Красную армию. За несколько дней в городе добровольно вступили в Красную армию около 600 человек. Совершенно сознательно стал красноармейцем и мой Герш Грибер.

Во время службы в Красной армии с Гершем случилась драматическая история, едва не превратившаяся в трагедию. После каких-то боёв Герш попал в плен к белогвардейцам, и те приговорили его к смертной казни через повешение. Поставили Герша на стул, надели ему на шею петлю и выбили стул из-под его ног. Верёвка, как видно, была не очень качественной и оборвалась. Герш упал на землю. Пока белые судили да рядили, вешать его ещё раз или нет, начался артиллерийский обстрел Красной армии на позиции белогвардейцев. Белым уже было не до Герша, и ему удалось бежать. Долго ещё он пробирался сквозь белогвардейские позиции и заставы, пока добрался до своих. Таким образом, он был спасён от смерти и во второй раз.

По каким ещё дорогам судьба носила Герша, я не знаю, но однажды на своём пути он встретил красавицу Кейлу и влюбился в неё бесповоротно. В конце 1919 года комсомолка, участница трипольского

похода Кейла (Катя) Финварб и красноармеец Герш (Гриша) Грибер соединили свои судьбы.

5. ДОВОЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ ГРИШИ И КАТИ ГРИБЕР

На какой дороге гражданской войны встретились мои будущие бабушка и дедушка - Катя (Кейла) Финварб и Гриша (Герш) Грибер - не знаю. Да так ли это уже и важно – где? Главное, что они встретились, полюбили друг друга и поженились в конце 1919 года.

В 1921 году Гриша демобилизовался из Красной армии и привёз свою молодую жену в Житомир, где жили его родные. Семья Гриши и Кати Грибер поселилась в небольшой однокомнатной квартире в одноэтажном доме на улице Вильской в квартале между улицами Прохоровской и Сенной, как раз напротив Соноцкого переулка. Впоследствии кухню перенесли в коридор, и появилась ещё одна маленькая комнатка. Потом пристроили небольшую веранду. И в таком виде квартира дожила до 80-х годов, когда дом был снесён.

9 мая 1922 года у Кати и Гриши родился первенец - сын Изя (Ицхок, Исаак), которого назвали так в честь отца Кати. Спустя полтора года, 29 ноября 1923 года на свет появилась дочь Фира (Эстер, Эсфирь) - моя будущая мама, которая получила своё имя в честь мамы Гриши.

После рождения детей Катя вела домашнее хозяйство и ухаживала за детьми. Гриша сначала работал на городской пятиэтажной мельнице, которая находилась на улице Вильской, рядом с русским кладбищем. Недалеко от этой мельницы находился детский сад, в который Гриша отводил Изю, а потом и Фиру.

Через какое-то время Гриша перешёл работать на макаронную фабрику, находившуюся в то время недалеко от историко-краеведческого музея в районе улиц Старовильская и Подольская. Здесь его приняли в ряды ВКП(б) - Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

В начале 30-х годов партия решила направить Гришу на работу по заготовке сельскохозяйственной продукции для торговых сетей города Житомира. Это было сопряжено с поездками по деревням и сёлам Житомирской области. Работа эта продолжалась несколько лет и была, надо сказать, не из лёгких.

Но, как говорится, нет худа без добра. Во время голода на Украине в 30-х годах эта работа Гриши помогла всей семье выжить, так как ему удавалось привозить из сельских районов кое-какие продукты. Что-то удавалось купить за деньги. Но в основном в ход шли различные домашние вещи, которые Гриша обменивал у селян на продукты. Когда он привозил сливки, сами выбивали масло. Если ему удавалось достать муку, то сами пекли белый хлеб. Так и выжили.

В то страшное время люди умирали от голода целыми семьями. Во дворе, где жила семья Грибер, умерли несколько человек, преимущественно пожилые люди.

Однажды Гриша с сыном Изей были в городской бане, которая находилась на одной из старых и красивых улиц Житомира - Пушкинской, недалеко от городского театра и старой водонапорной башни. Мужское отделение располагалось на втором этаже. И вот, когда после помывки они стали спускаться по лестнице, у Гриши случился первый в его жизни сердечный приступ, и он упал прямо на лестнице.

Сказались и недоедания, и нервная напряжённая работа, связанная с постоянными разъездами.

К сожалению, приступы повторялись всё чаще и чаще. Гриша заявил на работе, что он не может больше по состоянию здоровья работать заготовителем в сёлах.

Но партия была непреклонна. Ему поставили ультиматум: или он продолжает ездить по деревням и сёлам, или его исключают из партии. Гриша выбрал здоровье - и оказался в одночасье беспартийным. Правда, спустя какое-то время ему предложили восстановиться в партии, но он отказался.

Гриша устроился на работу в Управление потребительской кооперации, которое находилось в то время в трёхэтажном доме, почти напротив костёла в самом начале улицы Ленина. Здесь ему тоже приходилось ездить по сёлам, но уже не так интенсивно и не так далеко от города. В конце 30-х годов Гришу назначили инструктором по стахановским методам труда. Он работал так хорошо, что в 1940-1941 годах его фотография красовалась на городской Доске Почёта.

1 сентября 1930 года сын Гриши и Кати Изя пошёл в 1-й класс семилетней школы № 21 (с украинским языком обучения), которая находилась как раз напротив дома, где жила их семья. Изя был ярко выраженным интровертом. Близких друзей у него не было, так как ему, по его словам, было некогда иметь с ними дело. В школе он пел в хоре и рисовал стенгазеты. Но больше всего его влекла к себе техника. В городском Дворце пионеров. Изя проводил всё своё свободное время. Он посещал фотокружок, радиокружок, авиамодельный кружок. И даже в качестве представителя от Житомира Изя ездил в Киев

на слёт юных авиамodelистов. А в 1938 году он построил свой первый радиоприёмник.

В 1937 году Изя окончил семилетнюю школу, и его перевели в 8-й класс средней школы № 36, которая тогда располагалась на улице Прохоровская в здании бывшей школы для дефективных детей. Эта школа тоже находилась близко к дому, буквально за соседним двором. Приблизительно через год на улице Сенной построили новое здание для школы № 36, где Изя и продолжил своё обучение. В 10-м классе он был секретарём комсомольской организации.

После школы Изя думал поступать в институт, но этому не суждено было случиться. Летом 1940 года он окончил школу, а осенью его призвали в Красную армию и отправили служить на Дальний Восток. Туда отправили почти всех призывников из Житомира.

1 сентября 1931 года дочь Гриши и Кати Фира поступила в 1-й класс этой же школы, где уже учился её брат Изя. В отличие от своего брата, Фира обладала артистическими наклонностями и поэтому посещала акробатический и танцевальный кружки в городском Дворце пионеров. Танцевала она очень хорошо. Поэтому часто принимала участие в различных концертах.

В 1938 году после окончания семилетней школы Фиру перевели в 8-й класс школы № 36, где также учился Изя. В новой школе она плодотворно занималась общественной деятельностью и очень хорошо проявила себя в качестве комсомольской активистки. Это было замечено вышестоящими комсомольскими инстанциями.

Летом 1940 года Фире предложили занять должность заведующей отделом учёта в городском комитете комсомола (ГК ЛКСМУ). А поскольку она окончила только 9-й класс средней школы, было решено продолжить обучение в 10-м классе вечерней школы.

Так, решая изо дня в день свои обычные насущные проблемы, семья Грибер жила более-менее спокойно до 22 июня 1941 года.

6. ВОЙНА

Беда, как всегда, пришла неожиданно. Хотя предчувствие войны висело в воздухе, никто не хотел верить в то, что она придёт, да ещё в воскресный день.

Ночь уже шла на убыль, а утро ещё только зарождалось. Как приятно нежиться в это время в постели в объятиях сна! Впереди выходной день, на работу идти не надо, и можно как следует выспаться. А потом не спеша проснуться, потянуться всем телом и медленно встать, лениво обдумывая, чем бы сегодня заняться.

На отрывных календарях краснело число - 22 июня 1941 года. Часы показывали время - 4.00.

Те жители города Житомир, которые по какой-либо причине не спали этой ночью, и те, которые почему-то уже проснулись, а некоторые и сквозь сон, - все они вдруг услышали странный приближающийся гул в ещё тёмном небе. Этот нарастающий звук не был похож на звуки советских самолётов, пролетавших в последнее время над городом. Да и чего им вдруг вздумалось летать так рано?

Затем слышались отдалённые звуки взрывов. А так как вокруг Житомира было много воинских частей, некоторые подумали, что опять идут какие-то военные учения, которые участились в последнее время.

Однако страшная реальность заключалась в том, что это были не учения. Фашистская Германия напала на Советский Союз. Одни немецкие бомбардировщики бомбили аэродромы и воинские части вокруг Житомира, другие летели бомбить Киев.

Сам город Житомир первая волна авиаудара не тронула. Поэтому, проснувшись утром, подавляющее большинство житомирян даже не знало о том, что началась ВОЙНА.

А затем был следующий вражеский авианалёт в 9.15-9.20 утра, на этот раз на городские кварталы. По роковой случайности первая же бомба, упавшая на Житомир, угодила в только что открытый четверть часа назад первый в городе универсам «Люкс», заполненный до отказа первыми покупателями. Под развалинами нового здания погибло больше сотни мирных граждан.

А потом налёты вражеской авиации стали учащаться и очень скоро стали постоянными.

Это летнее воскресное утро 22 июня начиналось в семье Грибер так же, как и все предыдущие выходные дни. Однако, когда начались бомбёжки города, Гриша понял, что дело приобретает очень серьёзный оборот. Он оделся и вышел из дома, сказав родным, что ему нужно забрать у кого-то какие-то казённые деньги, которые ему должны были принести в понедельник 23 июня.

Когда Гриша возвращался домой, его на площади Ленина застала очередная бомбёжка. Он лёг за большую трансформаторную будку, которая находилась на пересечении площади Ленина и улицы Карла Либкнехта, и там переждал всю бомбёжку. Страшно себе даже представить, что могло бы случиться, если бы бомба угодила в эту будку. Но, слава Богу, Гриша остался жив. Домой он вернулся около полудня грязный и усталый.

В 12 часов дня по радио выступил нарком иностранных дел В. М. Молотов и сообщил всему населению СССР, что началась война с Германией. На следующий день была объявлена мобилизация в Красную армию лиц 1905 - 1918 годов рождения. Никто из семьи Грибер не подлежал мобилизации по возрасту. Гриша и Катя были уже старые для армии, а Фира - ещё слишком молодой.

Обстановка в городе была ужасной. Повсюду полыхали пожары. Непрерывно гудели вражеские самолёты, разрывались бомбы. Везде было много трупов. Немногочисленные спасательные отряды металась по улицам. Жители в смятении покидали город. Враг забрасывал в город парашютистов, которые старались посеять среди жителей и военных панические слухи.

Немцы всё ближе и ближе подходили к Житомиру. Гриша, Катя и Фира решили уехать в Днепропетровск к Розе, родной сестре Кати, и там переждать какое-то время.

7. ЭВАКУАЦИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИТОМИР

6 июля 1941 года Гриша, Катя и Фира сели в поезд и уехали из Житомира в Днепропетровск. Но поезд туда не пропустили, потому что немцы быстро продвигались и в том направлении.

Пассажирам поезда сказали, что нужно каким-то образом добираться до Сталинграда. Однако пассажирских поездов в этот момент уже не было, и ехать было не на чём. Где-то на запасных путях стоял товарный состав с песком и щебнем. Люди вручную разгрузили вагоны, загрузились в них и поехали в Сталинград.

В Сталинграде на городском стадионе собирали всех эвакуированных и беженцев. Здесь семья Грибер прожила два или три дня под открытым небом, после чего её отправили в Астрахань.

На распределительном пункте в Астрахани семью разделили: Гришу мобилизовали на трудовой фронт, а Катю и Фиру направили на работу на рыбный комбинат в посёлок Оранжерейное Икрянинского района Астраханской области. Здесь Катю и Фиру поселили в бывшее общежитие пожарной части. Огромную комнату люди перегородили простынями, и жили так, каждая семья в своей ячейке.

Фира работала на комбинате учётчицей на складе готовой продукции. Катя в то время была настолько слаба и больна, что не могла работать. Фира отдавала ей свою рабочую пайку, а сама жила впроголодь. Единственно, что выручало, так это то, что работникам комбината продавали рыбы хребты и кости, из которых можно было варить рыбный супчик. Так продолжалось почти пять месяцев.

Как только Фире исполнилось 18 лет, её мобилизовали в декабре 1941 года на строительство железной дороги Кизляр - Астрахань. Катя по возрасту не была мобилизована, но поехала вместе с дочерью.

Условия жизни и работы там были очень тяжёлыми. Жили в землянках, питание было скудным, не хватало спецодежды. Работать приходилось почти при полном отсутствии средств механизации, в любое время суток, при любой погоде. Налёты и бомбёжки вражеской авиации происходили почти ежедневно.

Фира была старшей в группе по доставке всех необходимых материалов на строительство. Эта группа следила за погрузкой материалов на товарный состав, который все называли «вертушкой», и за разгрузкой их на месте строительства.

Во время переездов Фире разрешали находиться на паровозе. Во время одного из налётов немецких самолётов на поезд-вертушку пуля, выпущенная из пулемёта, чиркнула Фиру по правой стороне шеи около челюсти и угодила в руку машиниста поезда. Ещё какой-нибудь миллиметр в сторону, и некому было бы писать эти строки.

Полностью строительство железной дороги Кизляр - Астрахань было завершено к концу 1942 года. Как складывалась дальнейшая жизнь Кати в эвакуации потом мне не известно.

Фира вскоре заболела сыпным тифом и очень долго болела. Какое-то время она лежала в больнице в Астрахани. Каким-то образом Гриша узнал, что его дочь находится в больнице. Он пришёл навестить её и принёс ей какой-то подарок. Тогда Фира сказала ему:

- Папа, лучше бы ты принёс мне немного хлеба.

Молодой организм, в конце концов, победил страшную болезнь. После выздоровления Фира работала официанткой в столовой.

В 1944 году Гришу, после его многочисленных обращений, призвали в армию. Он участвовал в Великой Отечественной войне в составе Военно-эксплуатационного отделения № 22 Первого Украинского фронта в должности путевого рабочего.

В самом конце войны Фира оказалась в городе Минеральные Воды. Здесь она встретила Михаила Леонтьевича Нагибина, моего будущего отца. Миша был женат до войны, но ему сообщили, что его семья погибла. Фира и Миша полюбили друг друга и стали жить вместе.

Сначала всё было хорошо, но потом Фира стала замечать, что Миша ходит какой-то озабоченный. Он к тому же стал часто куда-то уезжать, как он говорил, по работе.

Как-то совершенно случайно, занимаясь чисткой Мишиного костюма, Фира обнаружила в кармане его пиджака записку, в которой было написано, что нашлась Мишина семья, которую считали погибшей.

Сразу стало понятно состояние Миши, и Фира решила серьёзно поговорить с ним. Она сказала ему, что никто не виноват в том, что случилось с ними, виновата только эта проклятая война.

Фира решила не говорить Михаилу о том, что она беременна, чтобы не нагружать его ещё большими

проблемами. Она сказала только, что нет выхода и Миша должен вернуться к своей прежней семье.

После этого Фира собрала вещи и уехала к своим родителям, которые сразу после окончания войны вернулись в Житомир.

Квартира, в которой семья Грибер жила до войны, была кем-то занята. Но им освободили в ней одну большую комнату, в которой они втроем жили до тех пор, пока и вторая комната вернулась в их распоряжение.

Жизнь постепенно стала возвращаться на круги своя. Гриша вернулся на работу в потребительскую кооперацию. Изя, который в 1940 году был призван в армию, продолжал служить на Дальнем Востоке.

Катя и Гриша были, мягко говоря, очень расстроены беременностью своей дочери Фиры. Но делать нечего - что случилось, то случилось, и с этим нужно было продолжать жить.

В то время родная сестра Кати - Гитл жила со своими детьми в городе Пятихатки. Вот туда и было решено отправить рожать Фиру подальше от соседских глаз.

8. ШЕЙНДЛ (ЖЕНЯ) ГРИБЕР

Шейндл (Женя) Грибер родилась в городе Дубно в семье Шимона и Эстер Грибер. Она была замужем два раза, и в каждом браке у неё родилось по мальчику. От первого брака у Шейндл остался сын Миша. Во втором браке с Ициком Медведенко у неё родился сын Ефим. Муж Шейндл вскоре умер.

Жила Шейндл с сыновьями в Житомире в подвале двухэтажного дома, который находился на улице Соборной. Сейчас на месте этого дома находится магазин одежды, а улица называется - Площадь Победы.

В самом начале Великой Отечественной войны, в июне 1941 года немецкие самолёты разбомбили дом, где жила семья Шейндл. Она с сыновьями Мишей и Фимой переселилась в дом к своему брату Гершу на улицу Вильская (Карла Либкнехта).

Как-то Миша и Фима поехали на Богунию - район Житомира, где располагались воинские части. Мальчики помогали семьям военных эвакуироваться из Житомира. В какой-то момент Фима оказался в кузове машины, помогая расставлять вещи эвакуированных. В это время налетели немецкие самолёты, и началась очередная бомбёжка. Шофёр быстро завёл машину, и она стремительно тронулась с места. Фима уже не смог спрыгнуть на землю. К тому же Миша в этот момент был где-то внутри дома и не видел, что случилось с Фимой.

После бомбёжки, выйдя из дома и не найдя брата, Миша вернулся домой. Он рассказал домашним только то, что видел и знал. Фиму посчитали без вести пропавшим. Спустя много лет его нашли в Казахстане.

Когда в начале июля 1941 года семья Грибер - Герш, Катя и Фира - собралась эвакуироваться, Шейндл отказалась уезжать из Житомира. Она всё ещё надеялась, что вернётся её сын Фима. Они с Мишей остались в городе.

9 июля, прорвав оборону советских войск, пехотные части вермахта вошли в Житомир. Началась более чем двухлетняя оккупация Житомира.

Тех евреев, которые оставались в живых, украинская милиция обязала носить повязки со «звездой Давида». Соответствующее распоряжение было отдано Житомирской областной управой уже 11 июля 1941 года:

«Жидам приказываем немедленно зарегистрироваться в команде милиции, нашить на правую руку белую полоску с синей шестиконечной звездой и явиться на работу по очищению города».

А уже 14 июля начались расстрелы евреев, которые продолжались вплоть до 19 августа 1942 года.

В конце июля 1941 года немцы привели на Богуню большую группу мирных граждан-евреев, среди которых были Шейндл (Женя) Медведенко (Грибер) и её сын Миша. Педантично, по-немецки всех евреев расстреляли.

9. РУХЛ (РОЗА) ФИНВАРБ

Рухл была первым ребёнком в семье Изи и Бейлы Финварб. Она родилась в Херсоне в 1891 году. Когда ей исполнилось 20 лет, она вышла замуж за Шмуля Фридсона, который был старше её на три года. Шмуль был хорошим мастером по пошиву меховых шапок.

В 1912 году у Розы и Шмуля родился первый сын - Волф. Через год на свет появился второй сын - Шлёма. В 1915 году в семье Фридсон рождается ещё один сын - Йошун. А потом с интервалом в два года - сыновья

Израиль, Исаак, Мойша и Самуил. К этому времени уже вся семья жила в городе Днепропетровске.

Роза и Шмуль, при наличии семи детей, возможно, могли бы и остановиться в этом прекрасном занятии - рожать сыновей, но очень хотелось иметь дочь. И получили ее - в 1925 году у Розы (так теперь называют Рухл) и Шмуля наконец-то появляется дочка - Ривка.

В повседневных трудах и заботах проходит время, подрастают дети. Вот уже старшие сыновья начали работать. Улучшился материальный достаток. Ещё бы выбраться из полуподвального помещения, где находится их квартира, и, можно считать, что жизнь удалась.

Но 22 июня 1941 года все мечты и планы в одночасье рухнули. На третий день войны немцы по ночам стали бомбить Днепропетровск. Все братья Фридсоны призывного возраста ушли на фронт. С родителями остались только самые младшие - Самуил и Ривка.

В конце июня неожиданно приехала сестра Розы - Катя (Гитл) со своей семьёй. Их эвакуировали как семью батальонного комиссара Хаима Абрамовича из Станислава (Западная Украина), где они жили. Там уже вовсю шли бои с немцами.

Катя звала Розу, Шмуля и оставшихся детей - Самуила и Ривку - уехать с ними в эвакуацию. Но Роза сказала:

- А что будет, если мои сыновья вернутся с войны, а меня не будет дома?

Все надеялись, что война вот-вот закончится победой.

И Катя со своими домочадцами уехали одни. А Фридсоны остались в Днепропетровске.

Когда фронт начал приближаться и усилились бомбёжки города, Шмуль, Роза, Самуил и Ривка попытались покинуть обречённый город. Вместе с ними пошла и подруга Ривки. Собрав свои нехитрые пожитки, они 16 августа двинулись к железнодорожному вокзалу.

Но до вагонов им добраться не удалось, так как уже на привокзальной площади попали под немецкие бомбы. Одна из них завывала где-то рядом. Все до взрыва успели упасть на землю, а подруга Ривки чуть замешкалась. Тогда Ривка бросилась к ней, толкнула её изо всех сил, и, когда та упала, сверху накрыла её своим телом. Осколок попал Ривке в голову.

Для оставшихся в живых Фридсонов это было знаковым событием. Отец принял решение остаться в городе возле могилы дочери. Это было трагическое, но единственно возможное в тот момент решение. Похоронив дочь, Роза и Шмуль уже не имели сил двигаться куда-нибудь. Наступила какая-то апатия, безразличие ко всему происходящему вокруг. Каждый день они с сыном приходили на могилу Ривки и подолгу сидели там, разговаривая с ней.

А через 65 дней после начала войны - 25 августа 1941 года - немецко-фашистские войска заняли Днепропетровск. Началась более чем двухгодичная оккупация города.

С первого же дня прихода нацистов начались истязания, грабежи и убийства. Евреев заставили носить на руке белую повязку с шестиконечной звездой, они не могли пользоваться водой из

водопроводной колонки, боялись выходить на улицу даже за хлебом. Ровно через неделю появились большие, величиной с газетный лист, приказы о взимании с еврейского населения контрибуции в три миллиона рублей золотом в течение десяти дней. При неуплате - расстрел 200 заложников. Еврейским семьям было приказано стать на учет. Пошли не все, некоторые пытались скрываться.

По городу ходили полицаи, откуда-то наехавшие дядьки в костюмах явно с чужого плеча с винтовками и белыми повязками на левом рукаве, на которых черными буквами было пропечатано по-немецки и по-украински: «УКРАЇНСЬКА ДОПОМІЖНА ПОЛІЦІЯ», с немецкой печатью, орлом и свастикой. Они рыскали в поисках евреев.

В Днепропетровске 300-400 евреев, преимущественно стариков, женщин и детей, загнали в дом, дав каждому канистру с бензином. Потом немцы стали стрелять из пулеметов по канистрам. Люди прыгали из окон, а немцы стреляли по ним. Сотню евреев загнали в здание школы и взорвали её.

Невозможно описать все те страдания и беды, которые выпали на долю евреев города.

В полной мере мужественно переносили все издевательства фашистов и полицаев Роза, Шмуль и Самуил (Саня, как его называли родные).

12 октября 1941 года поздно вечером в дом семьи Фридсон пришёл полицаи, который приказал собрать все ценные вещи, драгоценности, тёплую одежду и документы. А затем всем следовало явиться к центральному универмагу на проспекте Карла Маркса, откуда их организованным порядком будто бы

направят в отведённое место для постоянного проживания и работы. За невыполнение данного приказа полагался расстрел.

Это была дьявольская хитрость фашистов. Никто ничего не должен был подозревать об их истинных намерениях до самого последнего момента. И дату они подобрали тоже специально: на 13 октября выпадал еврейский праздник - Шмини Ацэрэт, за которым сразу на следующий день наступал праздник - Симхат Тора (Радость Торы). Фашисты решили убить евреев в их праздники. И за эти два дня были расстреляны свыше 11 тысяч евреев.

Шмуль, Роза и Самуил оделись потеплее, так как на улице была ужасная погода, взяли кое-какую еду, вещи, документы и вышли из дома. Дул холодный, пронизывающий ветер. Почти всё время шёл мокрый снег с дождём. Густая вязкая грязь так прилипла к обуви, что было тяжело переставлять ноги. Кое-как добрались до проспекта Карла Маркса.

На площади за магазином «Универмаг» уже было много людей. Все были растеряны, терялись в догадках. Некоторые выражали надежду, что на новом месте можно будет хоть как-то жить. Здесь были и мужчины, и женщины, и преклонные старики, и дети различного возраста, включая грудных малюток. Всю ночь люди провели под открытым небом.

А утром 13 октября немцы-гестаповцы начали производить обыск. Они забирали у людей все ценности: часы, кольца, браслеты, портсигары, а также хорошую одежду. Потом последовал приказ всем построиться в колонну по четыре человека в ряд. В общей сложности набралось примерно около пяти тысяч человек. Немцы тут же окружили колонну

усиленной вооружённой охраной и погнали людей по улице Карла Либкнехта в направлении Транспортного института, возле которого находился ботанический сад (лесопитомник). Здесь колонну пригнали к оврагу глубиной 20-25 метров.

Только сейчас люди поняли, что произойдёт дальше. Вокруг всего оврага стояла вооружённая охрана из мадьяр (венгров), которые не подпускали к оврагу случайных прохожих. Немцы остановили колонну примерно в ста метрах от оврага. Две группы немцев-палачей, по 15 вооружённых автоматами головорезов в каждой, педантично по-немецки проводили свою страшную «работу».

Они брали из общей колонны по 15-20 человек и вели к оврагу. Тех, кто сопротивлялся, жестоко били и гнали дальше. Тех, кто сомлел и не мог уже самостоятельно передвигаться, немцы-гестаповцы хватили за руки и тащили по земле к оврагу. Как только людей подводили к оврагу, их выстраивали лицом к нему в шеренгу. Затем сзади раздавались автоматные очереди. Во время всего расстрела раздавались нечеловеческие крики и истерики. После того, как трупы падали в овраг, немцы подходили к нему и выстрелами из автоматов добивали тех, кто ещё шевелился.

Шмуль (53 года), Роза (50 лет) и Самуил (18 лет) подошли к краю оврага, посмотрели последний раз друг на друга, взялись за руки и полетели в Вечность.....

10. ТОЙБА (ТАНЯ) И ШАЯ ФИНВАРБ

В семье Изи и Бейлы Финварб всегда царила дружеская атмосфера. Так уж повелось с самого начала. Многочисленные братья и сёстры помогали не только родителям, но и друг другу. И делали они это бескорыстно, от всего сердца. И даже когда все дети вылетели из родительского гнезда и создали свои семьи, эти отношения между ними сохранились.

В 1893 году у Ицхака и Бейлы родилась вторая дочка – Тойба, а в 1897 году – первый сын – Шая.

Вскоре после того как в 1917 году погиб её отец, Тойба (потом её стали называть Таней) вышла замуж за Зелмана (Зяму) Разумовского. Через год у них родился первый сын Исаак (Изя), названный так в честь отца Тойбы (Тани). А через некоторое время на свет появился и второй сынок – Владимир.

Шая до 1923 года жил вместе с матерью. Когда после гражданской войны он получал новые документы новой страны, он не заметил, что делопроизводитель не дописал в его фамилии последнюю букву «б». А если и заметил, то не придавал этому большого значения. С этих пор фамилия Шаи была уже не Финварб, а Финвар.

В январе 1923 года Шая Финвар женился на девушке по имени Рейза (Роза). Уже в октябре этого же года у них родился первый сын, которого они назвали в честь отца Шаи Исааком (Изей). Через 6 лет, в сентябре 1929 года судьба подарила Шаю и Рейзе ещё одного сына, которого они назвали Владимиром.

Неожиданно нагрянувшая война разорвала семьи Тани и Шая на две части. Зелман Разумовский, его сыновья Исаак и Владимир ушли на фронт, а Таня уехала в эвакуацию. Шая и старший сын Исаак ушли на фронт,

а Рейза и младший сын Владимир были эвакуированы в город Горький.

Таня вернулась из эвакуации в Херсон сразу после окончания войны. Её муж Зелман Разумовский вернулся с войны живым. А вот их сыновья Изя и Володя остались навечно молодыми на полях сражений Великой отечественной войны.

Шая Финвар на фронте уже почти в самом конце войны получил сильное ранение в голову. Его поместили в госпиталь в городе Харьков.

Исаак (Изя) Финвар вернулся в Херсон после окончания войны, слава Богу, живым. Он начал поиски отца, матери и младшего брата. Ему активно помогали в этом его родная тётя Таня и её муж Зяма.

Долгие поиски привели Изю, Таню и Зелмана в город Харьков, где они нашли Шаю в одном из госпиталей. Он очень просил своих родных найти его жену Розу и сына Володю.

Возвратившись в Херсон, Изя узнал, что его мать Роза и брат Володя были эвакуированы в город Горький. Он поехал туда и выяснил, что его мать Роза умерла от голода, а брата Володю определили в один из горьковских детских домов.

Найти место захоронения своей матери Изе не удалось. Как видно, она была похоронена в общей могиле. Но поиски брата увенчались успехом. Изя нашёл брата, и они вместе возвратились в Херсон.

Таня и Зелман, потеряв на войне своих сыновей Изю и Володю, предложили Изе и Володе Финвар поселиться у них.

29 мая 1946 года Финвар Шая Исаакович умер в харьковском госпитале и был похоронен на воинском участке 3-го харьковского городского кладбища. Изя и Володя полностью осиротели.

Вскоре Зелман Разумовский получил назначение на должность командира пожарной части города Каховка. Таня и Зелман уже успели полюбить Изю и Володю и не хотели с ними расставаться. Они уговорили братьев поехать с ними в Каховку.

Так в семье Тани и Зелмана Разумовских снова появились сыновья Исаак (Изя) и Владимир.

11. ГИТЛ (КАТЯ) ФИНВАРБ

Я хочу рассказать историю семьи, в доме которой мне суждено было появиться на свет.

Гитл, родная сестра моей бабушки Кати, родилась в Херсоне в семье Ицхака и Бейлы Финварб в 1901 году. Когда ей исполнилось 17 лет, она уехала в город Екатеринослав (Днепропетровск), где начала самостоятельную жизнь. Сначала Гитл работала на кондитерской фабрике, но спустя год местом её работы стала табачная фабрика. Здесь она вступила в комсомол и поменяла своё еврейское имя на более употребительное - Катя.

Вот так и получилось, что две родные сёстры – мои будущие бабушка Кейла и тётя Гитл – стали называться одинаковыми именами.

По комсомольской путёвке Катю (Гитл) направили на службу в Красную армию. Это событие перевернуло

всю жизнь молодой девушки. Здесь она встретила свою любовь - молодого политработника Хаима (Ефима) Абрамовича. В 1923 году Катя и Хаим поженились, и через год на свет появился сын, которого они назвали в честь вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина - Вилен.

Сразу после рождения сына Катя вступила в коммунистическую партию.

В 1926 году в семье появился ещё один ребёнок, который получил необычное имя - Альфред, хотя дома все его называли почему-то Люсиком.

В этом же году Хаима и Катю демобилизовали из рядов Красной армии. Партия направила их на работу в сельскую местность для организации колхозов и борьбы с кулачеством. Спустя несколько лет Хаима назначили директором хлебозавода № 1 города Днепропетровска, затем через пару лет – директором МТС (машинно-тракторной станции) в Кудашевке Днепропетровской области, ещё через год – директором мельзавода в Божедаровке Днепропетровской области.

Катя с двумя сыновьями следовала за мужем. Она работала то в политотделе какой-то женской организации, то инструктором райкома партии.

В 1935 году у Хаима и Кати родилась первая дочь Эмиль, которую дома все звали Эммой.

В этом же году Хаима снова направили на службу в армию и перевели в город Киев. Катю избрали парторгом киевской детской больницы.

В 1938 году на свет появилась ещё одна дочь Хаима и Кати – Белла.

Катю перевели на работу в отдел радиоинформации сначала в город Житомир, а затем в город Бердичев Житомирской области.

В 1940 году батальонного комиссара Хаима Гершовича Абрамовича назначили инспектором отдела политической пропаганды 22-го механизированного корпуса в городе Станислав (Западная Украина). Катя с детьми переехала к мужу. В Станиславе её назначили председателем городского совета общества Красного креста.

Казалось, можно жить и радоваться. Снова все вместе!

И тут война!!!

25 июня 1941 года Катю с детьми эвакуировали из зоны боёв в Казахстан, в Кустанайскую область, в Убаганский район, в посёлок Большая Чураковка. Здесь Катя работала заведующей районным отделом здравоохранения до 1944 года.

Сюда и пришло извещение о том, что Абрамович Хаим Гершович пропал без вести в октябре 1941 года.

Спустя много лет его товарищ написал Кате письмо, в котором рассказал о последних днях её мужа. В одном из боёв они попали в окружение, и Ефим был очень серьёзно ранен. Понимая, что его ждёт в плену у немцев как еврея и батальонного комиссара, он застрелился на глазах у своего товарища. А тот прошёл немецкий плен, потом советские лагеря. Выжил просто чудом. Выйдя на свободу, решил

исполнить свой долг по отношению к своему фронтовому товарищу.

В 1944 году после освобождения Украины Катя с дочерьми Эммой и Беллой возвратились в Днепропетровск. Сыновья Виля и Альфред к этому времени уже служили в армии. Катю послали на работу в районный отдел здравоохранения в город Пятихатки Днепропетровской области.

Первый сын Кати - Вилен служил в то время в радиочасти в городе Винница. У него была там маленькая комнатка размером 9 квадратных метров. Он пригласил маму и сестёр переехать жить к нему в эту комнату. И в 1947 году Катя и девочки переехали в Винницу. Катя устроилась работать в прачечную при бане обычной прачкой.

В 1951 году у Кати обнаружили страшную болезнь - рак желудка. Справиться с ней она не смогла. И в ноябре 1952 года Кати не стало.

Четырнадцатилетнюю Беллу забрала к себе родная сестра Кати - Сара, которая жила в Москве со своим мужем - Вениамином Садовским. А Эмма уехала учиться в Ленинград.

12. САРА ФИНВАРБ

Сара родилась в Херсоне в семье Изи (Ицхока) и Бейлы Финварб примерно в 1898 году. Как протекали её молодые годы никто уже не помнит. Но с ней случилась довольно таки романтическая история.

Однажды Сара вышла замуж. Бывают в жизни такие моменты, когда люди поддаются на чьи-то уговоры.

Вот так и Сара стала женой человека, которого не любила. А, когда поняла это, было уже поздно - она была беременна.

И здесь судьба предоставила ей ещё один шанс. Встреча с молодым красивым юношей Вениамином Садовским была схожа с рождением новой звезды на небе. Их обоюдное чувство было настолько сильным, что ни он, ни она не представляли себе дальнейшую жизнь друг без друга.

Сара решилась на, казалось бы, безумный поступок: она убежала, беременная, от нелюбимого мужа в новую жизнь. Сара и Вениамин поселились в Екатеринославе (Днепропетровске). Но судьба подготовила влюблённым новое испытание. Оказалось, что у Сары - внематочная беременность. Ребёнка она потеряла. Но беда, как говорится, не приходит одна. Врачи сообщили Саре, что она больше никогда не сможет иметь детей.

Для Вениамина Сара была смыслом всей его жизни, она была Женщиной его жизни. Он обожал её всю свою жизнь. Надо было только видеть, какими глазами он на неё всегда смотрел. Да и Сара любила его безгранично. Это была идеальная пара!

Известие о бесплодности Сары не разрушило союз любящих сердец. Даже, наоборот, они стали ещё ближе друг другу. Правда пословица, что друг познаётся в беде.

Всю жизнь Сара и Вениамин воспитывали родственников. В начале 30-х годов они взяли в свой дом брата Сары - Мишу, после того, как умерла его мать Бейла Финварб. Потом уже в Москве они шесть лет воспитывали племянницу Беллу, после того как в

конце 1952 года умерла её мама - сестра Сары, Катя (Гитл).

Постоянно какие-то родственники приезжали и жили в семье Садовских. Одни уезжали, другие приезжали. И всегда всем в этой семье были рады.

Вениамин (Вадим) во время войны был директором Кунцевского игольно-платинного завода, который находился в пригороде Москвы - Кунцево. После войны он стал коммерческим директором, то есть начальником отдела снабжения этого завода.

Кунцево позже вошло в пределы Москвы. Жили Сара и Вадим в Кунцево на улице Кубинка.

Я много раз приезжал к ним в гости, когда был в Москве. Дядя Вадим всегда представлял меня как своего племянника. Не как племянника Сары, а как своего племянника. Он любил всех родственников своей жены. Причём любил искренно и всем сердцем.

Тётя Сара умерла в 1966 году от рака. Я в то время служил в армии в Солнечногорске (60 километров от Москвы), и меня отпустили к ней на похороны.

Уже после службы в армии, находясь в Москве в своих частых командировках, я всегда, по возможности, навещал дядю Вадима. Он от всей души радовался моим приездам, живо интересовался моими делами. Я его очень любил.

Дядя Вадим погиб спустя несколько лет по нелепой случайности. Будучи на отдыхе в санатории, он стоял в реке по колена в воде. Ему стало плохо с сердцем, он упал в воду лицом вниз и захлебнулся. Пока подбежали люди, всё было кончено.

Я думаю, что на небесах тётя Сара и дядя Вадим обязательно встретились. Потому что это был Союз земной и Союз небесный!

13. МИША ФИНВАРБ

Миша был самым младшеньким в семье Изи и Бейлы Финварб. Он родился в Херсоне в 1917 году и был тринадцатым ребёнком в семье. А поскольку у евреев число 13 считается счастливым, то и жизнь Миши можно назвать счастливой. После смерти отца Мишу воспитывала мама, которой помогали оставшиеся в Херсоне дети.

В 1924 году он пошёл, как и полагается семилетнему мальчику, в первый класс. Но уже в 1928 году после окончания начальной школы (4-й класс), в связи с тяжёлым материальным положением в семье Миша пошёл работать в пекарню, продолжая учиться в вечерней школе.

После смерти мамы он переехал к своей сестре Саре, которая в то время жила в Днепропетровске. Когда туда в 1931 году приехала жить со своей семьёй другая сестра - Катя (Гитл), Миша переехал жить к ней. В этом же году он поступил в ремесленное училище, где получил специальность слесаря. По окончании училища в 1933 году он уже работал по новой профессии и снова жил у Сары, так как Катя с семьёй уехала на жительство в сельские районы Днепропетровской области.

В 1934 году Мишу призвали в армию и отправили служить в Забайкалье в танковые войска. После срочной службы он остался на сверхсрочную. И таким

образом он прослужил семь лет. Пришло время демобилизации. Миша готовился уже к гражданской жизни, обдумывал своё будущее.

И тут грянула Великая отечественная война.

О той неразберихе, которая царила тогда в Красной армии, свидетельствует такой факт. Миша ехал на фронт в эшелоне, на платформах которого находились только танки. А снаряды к этим танкам находились в другом эшелоне. И вот долгожданные танки прибыли на линию фронта, а стрелять то нечем.

Всю войну Миша прослужил радистом в танковых войсках и закончил войну в Праге. Слава Богу, пришёл с войны целый и невредимый. Видно, родители с того света оберегали его.

Вернувшись с фронта, Миша сразу поехал к сестре Саре, которая к тому времени уже жила в Москве. Побыв немного у неё, он решил навестить других своих сестёр и братьев. Миша приехал в Житомир к Кате (Кейле) Грибер, потом побывал у Тани (Тойбы) Разумовской в Каховке. Дальше его путь лежал в Харьков, где в то время жил его брат Шура.

Катя (Гитл) ещё не вернулась из Казахстана, где она с детьми была в эвакуации. И вот после Харькова Миша возвращается в Москву к сестре Саре. Жизнь в Москве, как видно, не очень пришлась по душе Мише. И в 1947 году он приехал к сестре Кате (Гитл), которая совсем недавно переехала на новое место жительства в Винницу. Он решил остаться жить вместе с ней и её семьёй.

В одной маленькой комнатке размером 9 квадратных метров стояли стол на козлах и три кровати. На одной

кровати спала Катя с дочкой Эммой, на другой - сестра Катиного мужа, Нэха Абрамович, со своей племянницей Беллой, а на третьей - Миша.

В послевоенные годы крепкие мужские рабочие руки нужны были везде. Миша устроился слесарем в автопарк. Ремонтировал машины, возвращал их к жизни, казалось, из безвыходных ситуаций. Когда в Виннице открылся таксопарк, Мишу переманили туда на работу. И с той поры аж до самой пенсии он считался «знаменитым слесарем дядей Мишей», который может починить всё и даже чуточку больше.

В том же доме, где Миша жил в семье своей сестры, на втором этаже жила девушка Муся (Мотя) Зельцер. Он познакомился с ней, и они начали встречаться. В 1948 году Миша и Муся справили свадьбу, и Миша переехал к своей жене на второй этаж в такую же маленькую комнатку. Через девять месяцев, как и положено, в 1949 году на свет появилась его первая и единственная дочь Люда.

Нашу семью всегда связывали самые близкие родственные отношения с дядей Мишей, тётёй Мусей и Людочкой. Мы довольно-таки часто встречались, приезжали друг к другу в гости по поводу и без повода.

Дядя Миша всегда был красивым привлекательным мужчиной, выглядел он очень молодым. Как-то в один из наших приездов в Винницу, мы всей компанией вышли из его дома на улице Киевской и сели в трамвай, чтобы проехать в центр города. А надо сказать, что дядю Мишу знали в городе очень многие люди. Да, и это не удивительно!

И вот я громко, на весь трамвай кричу дяде Мише: «Дедушка Миша! Ты уже взял билеты?» Он, как ужаленный, подскочил ко мне и, оглядываясь по сторонам, или никто не слышит, стал громко шептать мне: «Замолчи! Какой я тебе дедушка? Я ещё молодой! Замолчи! А то люди услышат!»

А он и вправду был всегда молодой и красивый. Таким я и запомнил его навсегда.

Умер дядя Миша в 1996 году в Виннице. 9 мая отпраздновали День Победы. 10 мая утром все позавтракали, и дядя Миша сказал, что хочет немного отдохнуть. Он пошёл в свою комнату и лёг на кровать. Больше дядя Миша с неё не встал.

Светлая ему память и наша любовь!

14. ШУРА ФИНВАРБ

Шура родился в Херсоне в семье Изи и Бейлы Финварб примерно в 1910 году. В 1932 году он женился. Его жена - Анна была невысокой худенькой женщиной. По словам тех людей, которые с ней общались, она была большая умница.

В 1933 году у Шуры и Анны родился первенец, которого они называли Альфредом. Говорили, что в честь одного из главных героев оперы «Травиатта». Так это или не так, трудно сказать. Но что самое интересное, так это то, что сестра Шуры - Катя (Гитл) точно так же назвала своего второго сына, который родился в 1926 году.

У обоих Альфредов, и первого, и второго, да, кстати, также и у меня, в детстве было ещё одно имя – Люсик.

Этим именем, кстати, некоторые родственники и близкие друзья до сих пор продолжают называть меня.

Через пять или шесть лет у Шуры и Анны родилась дочь - Белла.

Шура увлекался музыкой и, по рассказам родных, играл в армии в оркестре. После демобилизации Шура работал в оркестре Харьковского оперного театра, где играл на тубе, как говорили, самой большой трубе.

В 1949 году брак Шуры и Анны распался по вине Шуры. Он был увлекающимся мужчиной, и этим всё сказано.

Умер Шура примерно в 1965 году и похоронен в Харькове на Алексеевском кладбище. Там же были похоронены его первая жена Анна и его сын Альфред, который умер в 1980 году от сердечного приступа.

15. НИСЛ (НАУМ) ГРИБЕР

Нисл (Наум) Грибер, родной брат моего дедушки Герша, родился в 1911 году в городе Дубно в семье Шимона и Эстер Грибер. Вместе с семьёй в 1917 году он переехал на новое местожительство в Житомир.

Где-то в 1930-31 году Наум уехал на Дальний Восток в Амурскую область в город Благовещенск. Зачем и почему - не известно. Уехал - и всё тут. В Благовещенске он женился, но его жена умерла при родах, а новорожденный ребёнок умер через пять дней. Потрясённый горем, Наум решил уехать из Благовещенска.

Родные его умершей жены пригласили его переехать к ним в посёлок Биракан Еврейской автономной области. Наум принял это приглашение. Постепенно рана в сердце от потери жены и ребёнка начала заживать. Науму тогда было всего чуть больше двадцати лет. А рядом с ним почти всё время находилась младшая сестра его покойной жены - Бася. В конце концов, в 1935 году Наум женился на Басе.

Через год у них родился сын Юрий. А в январе 1941 года на свет появился младшенький сыночек - Анатолий. Жила вся семья на улице Советская в доме № 11.

Июнь 1941 года в корне изменил жизнь семьи Наума и Баси Грибер. Вскоре Наума призывают в армию и отправляют на фронт.

Красноармеец Наум Грибер служил радиотелеграфистом отдельного артиллерийского дивизиона 136-й отдельной стрелковой бригады. Эта бригада формировалась в Куйбышевской области в феврале 1942 года. В начале марта 1942 года она отправилась в сторону Москвы, но уже во второй половине марта поступил приказ о переброске бригады в район Ржева. Там требовалось подкрепление для продолжения Ржевско-Вяземской наступательной операции Красной Армии. После завершения данной операции 136-я отдельная стрелковая бригада, которая понесла в боях огромные потери, была направлена в конце апреля на пополнение в район Итомли Ржевского района Калининской области.

В конце июля данная бригада вошла в группу развития прорыва ударной группировки на направлении главного удара 30-й армии Калининского фронта, которая 30 июля должна была своим

наступлением на Ржев начать Ржевско-Сычёвскую операцию.

30 июля в 6 часов 30 минут утра 30-я и 29-я армии Калининского фронта начали полуторачасовую артиллерийскую подготовку. Сотни орудий разных калибров, в числе которых были и орудия артиллерийского дивизиона, где служил Наум Грибер, бросили на немцев мощный шквал огня. Немцы сделали поначалу несколько неуверенных попыток ответить огнём на огонь, но мощь огненного удара Красной армии заставила их от этого отказаться.

Сразу после артподготовки в бой вступила пехота, которой при поддержке танков удалось захватить две первые позиции главной полосы обороны немцев и уничтожить почти всех её защитников. Лишь немногим фашистам удалось отойти на вторую полосу обороны.

Во время артподготовки пошел дождь, который то затихал, то вновь усиливался, а вскоре превратился в сплошной ливень, который продолжался много дней. Всё пространство боевых действий превратилось в сплошное болото. Дороги сразу сделались непроходимыми. Все и всё: люди, лошади, артиллерия, машины, тракторы, танки – вязли в непролазной грязи.

Наступать приходилось по низменной и заболоченной местности. А тут ещё и небольшие речки разлились из-за нескончаемых дождей. Вот и приходилось передвигаться в сплошной воде: дождь сверху и болотная жижа по колено снизу. Сапёры очень оперативно настелили дороги-лежневки, но они под тяжестью танков, артиллерийских орудий и другого транспорта уходили в раскисшую землю на полметра. Вследствие всего этого танки и артиллерия отстали от

пехоты. Чтобы вытащить увязшие в грязи пушки, артиллеристы впрягли в них до десятка лошадей. Но, к сожалению, часто и самих лошадей приходилось вытаскивать верёвками из этого нескончаемого болота. Тогда солдаты тянули по грязи выше колен на лямках и веревках за собой пушки.

Ночь около деревни Рамено (Раменье) Ржевского района Калининской области с 31 июля на 1 августа выдалась тёмной, с дождём и изморозью. Было очень сыро и холодно. Ровно в 7 часов утра 1 августа немецкая авиация группами по 5-7 самолетов начала бомбить боевые порядки частей Красной армии.

А затем грянул сильный бой. Снаряды из пушек и танков носились по полю сражения и выполняли свою страшную «работу», уничтожая всё, к чему они прикасались: и людей, и лошадей, и технику. Один из орудийных расчётов отдельного артиллерийского дивизиона 136-й отдельной стрелковой бригады, огонь которого корректировал радиотелеграфист Наум Грибер, погиб в полном составе. За ним последовал и второй. В живых остался только красноармеец Наум (Нисл) Грибер.

И тогда он в одиночку, находясь на открытой местности, продолжил бой против врага. Сам подносил снаряды. Сам заряжал орудие. Сам наводил его. Сам стрелял. И это продолжалось до тех пор, пока немецкий снаряд не снёс ему голову.

Так героически погиб простой еврейский парень, солдат Красной армии - Наум Семёнович (Нисл Шимонович) Грибер.

16. ВОЛФ ГРИБЕР

Волф Грибер родился в 1892 году в городе Дубно в семье Шимона и Эстер Грибер. Очень рано он начал заниматься портняжным ремеслом.

В 1918 году в городе Житомире Волф женился на Хасе Корман, и в 1919 году у них родилась первая дочь - Броня.

В 1921 году в семье Волфа и Хаси Грибер появился первый сын - Борис.

Третий ребёнок - Семён родился в 1923 году.

Для того, чтобы выровнять соотношение сыновей и дочерей, потребовалось три года. И в 1926 году родилась вторая дочь Маня, четвёртый ребёнок в семье Волфа и Хаси.

После голода на Украине в 1934 году в возрасте одиннадцати лет умер сын Семён.

И тогда Волф и Хася решили восполнить эту потерю. В 1937 году на свет появился новый ребёнок - сын Айзик (Изя).

Когда началась Великая отечественная война, Бориса призвали в армию и отправили на фронт, Волфа мобилизовали на трудовой фронт, а остальных членов семьи эвакуировали из Житомира.

После окончания войны вся семья благополучно вернулась в Житомир. Волф вернулся к своему портняжному делу: работал в разных швейных мастерских, на фабриках индпошива, а также подрабатывал частным образом.

Умер Волф в 1965 году. Он был похоронен на том же еврейском кладбище, где нашли свой покой и его родители - Шимон и Эстер Грибер.